

Жаркой Михаил Эмильевич

канд. ист. наук, доцент, старший преподаватель
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Санкт-Петербург

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы дисциплинарного подчинения и ответственности лиц – осужденных и содержавшихся под стражей в период их конвоирования к месту отбытия наказания в рамках исторического времени второй половины 1930-х гг. Подчеркивается соответствие нормативных документов ведомственного характера действующему законодательству.

Ключевые слова: карательная политика, конвоирование, НКВД, правила внутреннего распорядка ИТУ, дисциплинарные взыскания.

В соответствии с концепцией карательной политики в 1930 гг. происходят изменения в структуре и режиме содержания мест заключения. В 1934 г., состоялась передача исправительно-трудовых учреждений и изоляторов для подследственных в ведение вновь образованного Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР [1]. Для мест лишения свободы это не было формальным актом. Менялась исправительно-трудовая политика и менялся подход к лицам, заключенным под стражу. Отныне на первый план выдвигалась задача обеспечения их изоляции и предупреждения побегов. От персонала тюрем для содержания подследственных требовалось превратить их в место изоляции от общества разоблачаемых, но еще не разоблаченных перед судом изменников родины, вредителей, расхитителей социалистической собственности, а также грабителей, воров, хулиганов и иных преступников. Для руководства принятыми от НКЮ СССР исправительно-трудовыми колониями и ДОПРаами в составе ГУЛАГа НКВД СССР

создается отдел мест заключения, а в конце 1938 г. на его базе организуется самостоятельное Главное тюремное управление. В 1936 г. вновь было введено в качестве уголовного наказания тюремное заключение, а органам НКВД предоставлено право в дисциплинарном порядке переводить в тюрьму лиц, отбывавших наказание в исправительно-трудовых лагерях и колониях и систематически нарушавших в этих местах лишения свободы распорядок, совершавших побег. На 1 февраля 1937 г. числилось 347000 следственно – арестованных, из них: 193400 числилось за органами УГБ, 72800 – за милицией, 80800 – за органами суда и прокуратуры [2].

В конце 1938 г. изоляторы для подследственных (как и ДОПРы) были переименованы в общие тюрьмы – в отличие от внутренних тюрем органов НКГБ. Однако это название не закрепилось, и в 1939 г. они вновь были переименованы в тюрьмы для содержания подследственных. Кроме тюрем, подозреваемые и обвиняемые содержались в камерах предварительного заключения органов милиции, находившихся в ведении Главного управления милиции НКВД СССР [3, с. 73].

Приказом НКВД СССР от 28 июля 1939 г. №00859 были введены Положение о тюрьмах НКВД для содержания подследственных [4] и инструкция по применению отдельных статей этого Положения. Согласно Положению заключенные под стражу должны были содержаться в камерах тюрем для содержания подследственных под запором и охраной. Мужчины размещались отдельно от женщин, несовершеннолетние отдельно от взрослых. При этом подростки от 12 до 16 лет должны были содержаться отдельно от несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет. Отдельно от других заключенных содержались: рецидивисты; лица, обвиняемые в преступлениях контрреволюционного характера; бывшие работники НКВД, НКЮ, прокуратуры, суда, военнослужащие офицерского состава, а также ряд других лиц. Всего имелось около 60 категорий заключенных, подлежащих изоляции с учетом пола, возраста, процессуального состояния, харак-

тера преступления и наказания, общественного положения до ареста и т. д. Несовершеннолетние могли получать и читать газеты и журналы, выписываемые на средства тюрем.

За нарушение тюремного режима несовершеннолетних властью начальника тюрьмы можно было помещать в камеру-изолятор сроком до 5 суток, причем инструкция предусматривала, что лица, помещенные в камеру-изолятор, при наличии хорошего поведения могли возбуждать ходатайство перед начальником тюрьмы о досрочном снятии взыскания и переводе на нормальный режим. Водворять несовершеннолетних в карцер, а также применять к ним смирительную рубашку запрещалось. В соответствии со ст. 40 могло быть также применено лишение прогулки на срок до 5 суток, лишение покупки из ларька на срок до 15 суток, лишение книг на тот же срок (наказывались все заключенные одной камеры). За особо злостное нарушение режима полагалось до 20 суток лишения прогулки и перевод в карцер. Остальные меры дисциплинарного воздействия увеличивались до 2 месяцев, но только с санкции руководства соответствующего УНКВД. Интересно, что подследственным, в отличие от тех, кто числился за УГБ, запрещалось получать письма (п. а) ст. 34) [5]. Надо сказать, что проблема административной сегрегации достаточно четко регулировалась. Так, приказом НКВД СССР от 21 ноября 1940 г. был расширен перечень мер наказания, которые могли налагаться на заключенных за допущенные нарушения режима. В частности, установлена мера наказания в виде перевода всей камеры на карцерный режим на 7 суток (в случаях, когда: все или большинство заключенных данной камеры нарушали правила тюремного режима; заключенные отказывались назвать нарушителя правил тюремного режима; другие виды общекамерного наказания были недостаточны ввиду тяжести совершенного нарушения) [6, с. 78]. Этим же приказом в ст. 43 добавлено в качестве дисциплинарных наказаний внеочередное дежурство по уборке камер на срок до 7 суток, лишение прогулки на тот же срок, лишение книг, игр и т. п. до 15 суток, лишение переписки,

свиданий с родственниками на срок до 1 месяца, лишение премиального вознаграждения на срок до 1 месяца (касалось только осужденных из числа хозяйственной obsługi), перевод в карцер на срок до 20 суток [7].

Приказом НКВД СССР от 14 декабря 1939 г. №001477 объявлялось Положение о тюрьмах ГУГБ НКВД СССР для содержания осужденных. В соответствии с ним к заключенным, нарушающим правила тюремного режима, начальник тюрьмы мог применять следующие меры взыскания: лишение прогулки на срок до 5 суток, лишение переписки на срок до 1 месяца, лишение покупок из ларька на срок до 1 месяца, лишение книг, газет и игр на тот же срок (взысканию подвергались все заключенные данной камеры), перевод в карцер на срок до 5 суток. За особо злостные нарушения на основании п. 32 и с санкции начальника ГТУ НКВД мера взыскания могла быть увеличена на срок до 3 месяцев, а перевод в карцер – на срок до 20 суток [8]. Как видим, по сравнению со следственно – арестованными, меры взыскания к осужденным в тюрьмах ГУГБ были более жесткими, однако по отношению и к тем и другим, присутствует мера наказания, связанная с лишением игр, что говорит об организации досуга и культурно – воспитательной работе в учреждениях для отбывания наказания.

Сегодня в общественном сознании глубоко утвердилась мысль о полной социальной изоляции лиц, содержащихся под стражей по подозрению и обвинению в совершении преступлений во второй половине 1930 гг., особенно в отношении тех, кто был арестован за контрреволюционные преступления. Поэтому следует упомянуть утвержденную 27 мая 1939 г. Наркомом внутренних дел Л.П. Берией Инструкцию «О порядке предоставления свиданий с родственниками заключенным спец. тюрьмы ГУГБ НКВД СССР». В ней, в частности, отмечено, что, как правило, продолжительность свидания устанавливается в 30 мин., а одновременное свидание с заключенным могут иметь не более 2 родственников. При этом, на один и тот же день, сказано в п. 4, может быть выдано не более шести разрешений на свидания [9].

Конвойные войска в это время выполняли главным образом задачи по конвоированию подсудимых в суды и доставке осужденных различными видами конвоев в исправительно-трудовые учреждения. Приказом НКВД СССР от 29.09.1939 г. №646 был введен в действие Устав службы конвойных войск НКВД (УСКВ-39). Согласно ст. 131 Устава начальник конвоя получил право применять к заключенным, нарушающим установленный режим, меры воздействия, предусмотренные ст. ст. 277–287 Устава, а именно: предупреждение, выговор, лишение права покупки в пути табачных изделий, перевод в карцер на срок до 5 суток. При этом, заключенные, допускающие оскорбление состава конвоя устно или письменно, могли заключаться в карцер до 7 суток. Однако при особо дерзких и циничных действиях, таких как плевок, попытки нанесения ударов и т. п. заключенные могли помещаться в карцер на срок до 10 суток, причем о факте оскорбления конвоя составлялся акт для привлечения виновного к судебной ответственности. Кроме того, в соответствии со ст. ст. 282–287 Устава разрешалось применять к заключенным наручники. Что касается остальных видов взысканий, то на них составлялась справка, которая прилагалась к личному делу заключенного [10].

В мае 1941 г. приказом НКВД СССР был утвержден Временный Устав службы военизированной охраны ИТЛ и колоний НКВД СССР. Согласно ст. 429 Устава к заключенным, нарушающим в пути следования установленный режим, начальник конвоя мог применять следующие меры воздействия: предупреждение, выговор, лишение права покупки в пути табачных изделий и перевод в карцер на срок до 5 суток. За оскорбление конвоя (ст. 430) полагалось наказание в виде карцера сроком на 7 суток, при оскорбительных действиях – плевок, попытки нанесения удара и пр. – до 10 суток, что отражалось в справке к личному делу [11].

Совместным приказом НКВД СССР Л.П. Берия и Прокурора СССР В.М. Бочкова от 22 июня 1941 г. всем наркомам, начальникам УНКВД, ИТЛ, прокурорам союзных и автономных республик, краевым, областным прокурорам приказывалось прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний

контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников, а также подвергнуть аресту заключенных, на которых имеются материалы по антисоветской деятельности [12]. В то же время 12 июля и 24 ноября 1941 г. вышли указы Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, с передачей лиц призывного возраста в Красную Армию. В соответствии с ними было освобождено 420 тыс. заключенных [13].

Таким образом, осужденные, находящиеся во временном подчинении администрации ИТУ или конвою, находились в отношении дисциплинарного подчинения и несли ответственность за нарушение правил содержания в соответствии с действующим законодательством, отвечающим требованиям исторических реалий рассматриваемого периода. Подобный порядок и сегодня соответствует правилам и условиям выполнения учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы функций конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу.

Список литературы

1. СЗ СССР. – 1934. – №56. – Ст. 421.
2. ГАРФ. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 1138. – Л. 21.
3. Андреев В.Н. Содержание под стражей в СССР и России / В.Н. Андреев. М.: Спарк, 2000. – 197 с.
4. ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 30–58.
5. ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 35 об.
6. ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 2. – Д. 16. – Л. 121–122.
7. ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 110–113.
8. ГАРФ. – Ф. 9413. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 73.
9. Приказ НКВД СССР № 646 от 29 сентября 1939 г. «О введении в действие «Устава службы конвойных войск НКВД» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rkka.ru/docs/real/uskv-39.pdf> (дата обращения 19.09.2022).
10. ГАРФ. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 2509. – Л. 82.
11. ГАРФ. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 2507. – Л. 40–40 об.

12. Лысков Д.Ю. «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века / Д.Ю. Лысков. – М.: Яуза, 2009. – 288 с.